

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ПИСАРЬ

(По неизданным материалам)

К. Чуковский

I.

У бездомного бобыля была дочка Паланька. Когда бобыль помер, Паланька ушла на заработки в чужое село. Вскоре в нее влюбился сын богача-старшины и задумал жениться на ней. Но спесивый богач заявил, что батрачка его сыну — не пара.

— В спину тебе твою Палашку. Всякую сволочь стану братья для тебя.

И услал своего сына на рыбные промыслы за сотни верст от родного села, а сам поспешил к становому. Становой был хапуга и вор. Он содрал со старика большую взятку и донес, куда следует, будто Паланька — распутная девка. Оклеветанную Паланьку прогнали в родное село. Там она вышла за ненавистного ей мужика Саргина и в первую же брачную ночь удавилась.

Самоубийцу схоронили в овраге, в лесу.

С тех пор крестьяне, проезжая лесом, старались объехать подалее то место, где была погребена несчастная Сарга. Они были уверены, что Сарга выезжает по ночам из могилы и воет:

— Говорят, колдовка была. Людей, сказывают, портила, кто помоложе.

Это — повесть из крестьянского быта, затерянная в одном старом журнале. Теперь, через семьдесят лет, она кажется (отчасти) каким-то либретто для оперы. И заглавие у нее оперное: «Саргина могила». И роли распределены как в театре. Теперь из таких мелодрам захохотные режиссеры создают свои «боевики». Но наряду с мелодраматическим стилем, в ней есть тенденции к другому, строго-реальному стилю: автор, словно устыдясь мелодрамы, принимает все меры, чтобы обойтись без дешевых эффектов и бенгальских огней. На многих страницах у его персонажей подлинный, корявый, мужицкий язык. Чувствуется, что он знает крестьянский быт не по «Запискам охотника». Бытовые подробности изображены жестко и беспощадно правдиво — без всяких сусальных прикрас.

Все это словно серной кислотой разъедает ту театральную фальшь, которая сказалась, главным образом, в композиции повести, да в ее банально-красивой концовке.

Но почему я говорю об этой повести?

Автор ее никому неизвестен, и звали его Петров. Был он человек маленький, незаметный и робкий. «Саргина могила» не имела в литературе никакого успеха.

Все было тогда очаровано другим изобра-

жением крестьянского быта, Николаем Успенским, который, отлично владея техникой «этюда с натуры», сразу убил тяжеловесные формы старомодных крестьянских повестей и романов.

А Петров был именно старомодный писатель. Он был самоучка и писал по старым трафаретам, не решаясь отказаться от них. Впрочем, нашелся один человек, которого повесть Петрова привела в настоящий восторг.

Это — молодой Лев Толстой.

В одном из его неизданных писем к Дружину мы находим такие любопытные строки:

«Вы верно сойдется и полюбите моих братьев. Как они меня порадовали тем, что оба в восхищении от Сарг (иной) Мог (или) собственным чувством. Что Петров? Возьмите, между прочим, у Давыдова по экземпляру моих книжечек и подарите от меня Петрову и дайте его адрес».

Писаны эти строки в апреле 1859 г. Толстой жил тогда в Ясной Поляне, вместе с братьями Николаем и Сергеем. Очевидно, повесть так сильно полюбились ему, что его ра-

довало даже то восхищение, которое вызывала она у других. Желая похвалить своих братьев, он указывает, что они сами своим «собственным чувством» оценили «Саргину могилу». Этим они в его глазах как бы выдержали экзамен литературного вкуса, и в письме к Дружину он не может придумать лучшей для них аттестации.

Дружинин первый открыл у Петрова талант и всячески ему покровительствовал. Повесть Петрова была напечатана в журнале Дружинина — «Библиотека для чтения» (1859, январь). Толстой тогда же, в январе, прочел ее, но и через три месяца не может забыть о ней и, в знак своего благоволения к автору, дарит ему свои первые книги. Эти книги были тогда на складе у книгопродавца Алексея Давыдова. Толстой просит Дружинина взять эти книги и подарить их Петрову.

Кроме того, он спрашивает адрес Петрова, очевидно затем, чтобы написать ему хвалебное письмо.

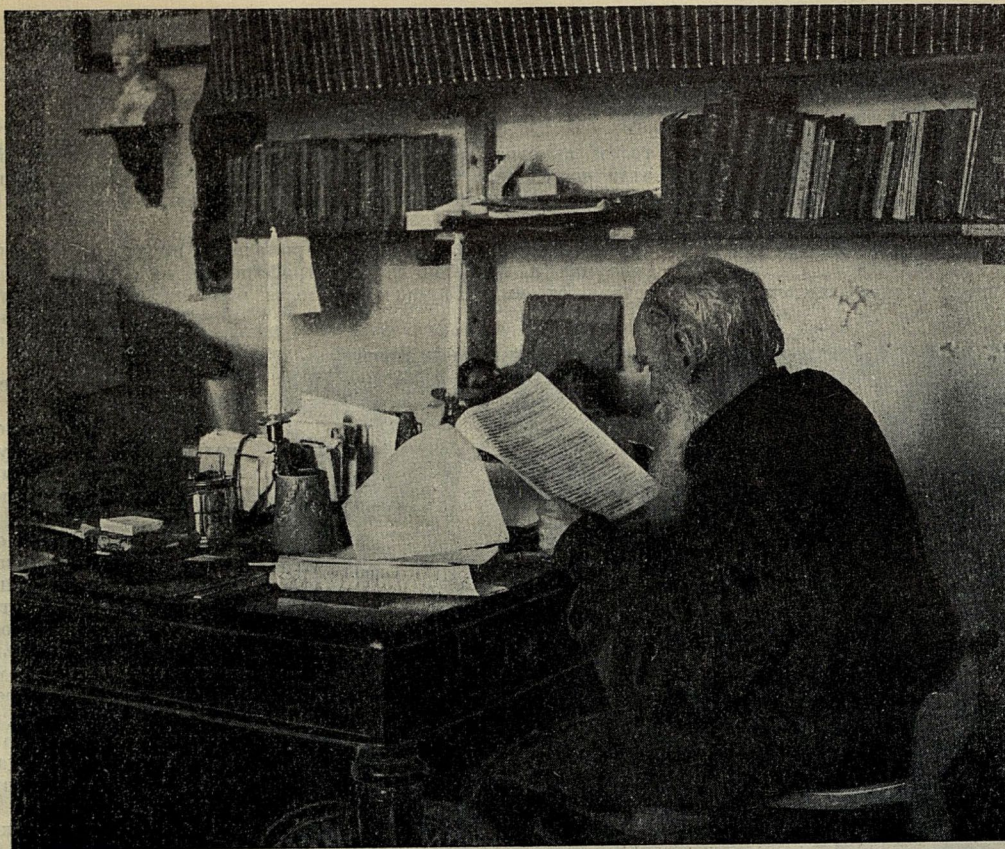
Жаль, что об этом Петрове мы знаем так мало. Знаем только, что он был писарь из канцелярии военного министерства, изрядно помятый бесчеловечной николаевской муштрой. В литературу он вошел уже пожилым человеком. Дружинин, найдя в нем талант, исходно-тал ему некоторые облегчения по службе.

Школьная экскурсия в Ясной Поляне

Толстой среди крестьян во время голода (189 г.)

В рабочем кабинете (зима 1906 г.)

Кроме «Саргиной могилы» им в той же «Библиотеке для чтения» помещены любопытные охотничьи очерки; они замечательны тем, что в них описана не барская охота, к которой приучили читателей Аксаков, Тургенев, Некрасов, а, так сказать, плебейская, «бедняцкая», без чистокровных се- теров и тысячных ружей.

Нашим историкам литературы следовало бы внимательно всмотреться в Петрова; как «человек из низов», он был очень озлоблен и накопил много желчи против тогдашнего строя. Его тянуло обличать этот строй. Осенью того же 1859 года он поместил у Дружинина новую повесть «Выборы», где рассказывал, как бессовестный писарь мошеннически навязал мужикам своего приятеля, кулака и пройдоху, — в качестве волостного головы.

К этой повести Лев Толстой отнесся гораздо прохладнее.

В другом его неизданном письме к Дружинину находим такие строки:

«Петрова новую повесть сейчас прочел. Она мне положительно не понравилась, хотя видна сила большая. Но его горе — противоположное нашему и большое — совершенная бессознательность дарования. Он сам не знает, что в нем велико, и Катерина — намек, тень, когда она должна бы быть все. Если бы он был помоложе, горе это было бы поправимо, а теперь, боюсь, он так и останется не «надежда», а «сожаление».

В этой хуле — похвала. Браня новую повесть Петрова, Толстой все же признает в нем «великость» и силу.

Катерина, о которой говорится в письме, — жена кулака, избивавшая его перед крестьянами. По мнению Толстого, ее следовало бы сделать центральной фигурой, а Петров поместил ее на задворках повести.

Не нужно забывать, что в то время Толстой мучительно переживал неуспех своего романа «Семейное счастье». Этот неуспех так сильно ударил его, что он решил уйти из литературы и порвать с литераторами. В ту пору он не раз убеждал и себя, и других, что литературно-журнальные дела для него безразличны.

И тем не менее он живо интересуется новым произведением Петрова. Из дальнейших строк его письма выясняется, что он состоял в переписке с Петровым. Очевидно, еще весной 1859 г. он послал-таки Петрову свой отзыв о его «Саргиной могиле». В ответном письме Петров, очевидно, выразил ему свою благодарность. Но тут с Толстым произошла катастрофа: пропал его первый роман и ему было не до Петрова. Теперь, осенью, он немного пришел в себя и пожелал возобновить переписку.

В том же письме к Дружинину он говорит:

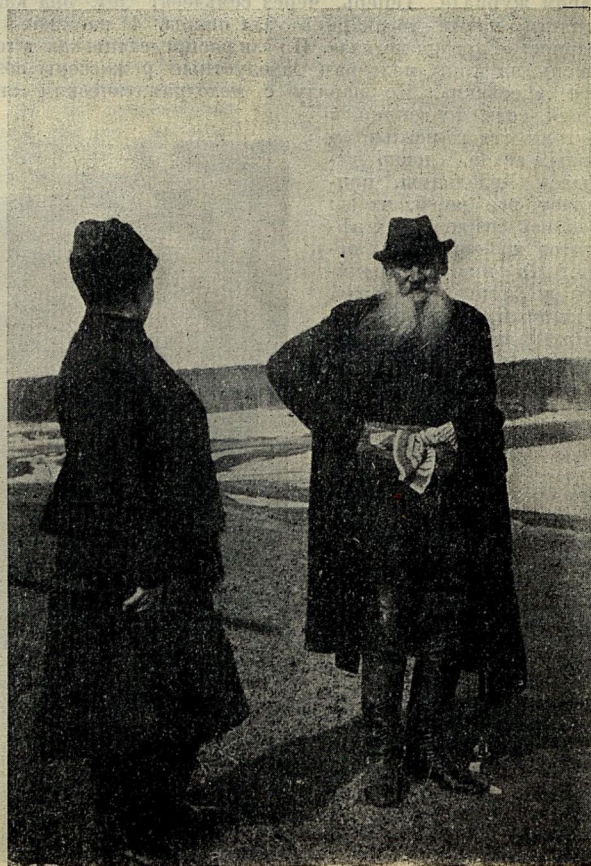
«Перед Петровым я виноват, не отвечав ему. Передайте ему приложенное, если напишется».

«Написался» ли у него ответ Петрову, не знаем. В дальнейших письмах Толстого к Дружинину никаких упоминаний о Петрове нет. Да и вообще, насколько нам известно, Толстой за всю свою дальнейшую жизнь ни разу не упоминает о нем — ни в разговорах, ни в мемуарах, ни в письмах. Из литературы Петров тоже как будто пропал без вести. Это очень печально, потому что он обладал и талантом и великим знанием крестьянского быта. Знание крестьянского быта стояло у него на такой высоте, что еще накануне освобождения крестьян, когда большинству интеллигенции казалось, будто все зло деревенской жизни сосредоточено в крепостном праве, он в своих повестях указал на другое столь же лютое зло, незамечаемое тогдашней передовой журналистикой: на власть деревенских кулаков-богачей, которые душат крестьянскую бедноту не хуже, чем ее душат помещики.

Поэтому Петров интересен для нас не только в связи с Толстым. Я думаю, историкам нашей словесности давно уже следовало бы осветить перед нами

эту типичную фигуру первой половины шестидесятых годов.

Но и биографам Толстого надлежало бы пристальнее всмотреться в убогого военного писаря. Суждения знаменитого писателя о его повестях очень характерны для тогдашних литературных вкусов молодого Толстого.

Толстой с дочерью Александрой Львовной на поле